

ванная передача юмористических рассказов и сказок. Н. Нурджановым впервые с такой полнотой освещен один из наименее изученных вопросов таджикского народного искусства и народного творчества. Он отмечает, что эти пьесы являются произведениями народными, написанными неизвестными авторами и непрерывно дополняемыми исполнителями и даже зрителями, так как между актерами (масхарабозами) и зрителями существует тесная связь. Автор очень убедительно раскрывает социальную направленность этих произведений. В конце книги помещены тексты тридцати пьес с вариантами и с переводом на русский язык, представляющие самостоятельную ценность, как образцы особого жанра народного творчества таджиков. Монография Н. Нурджанова является ценным вкладом в советское искусствознание и фольклористику.

А. З. Розенфельд

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

НОВЫЕ РАБОТЫ ХРИСТО ВАКАРЕЛЬСКОГО

Работы Христо Вакарельского, одного из лучших знатоков болгарского народного быта и в особенности материальной культуры болгарских крестьян, привлекают законное внимание этнографов. В последнее время вышли в свет интересные статьи Вакарельского, посвященные двум различным историко-этнографическим областям Болгарии — Добрудже и Панагюриштской околии (район Среднегория).

Добруджа расположена на северо-востоке Болгарии. По природным условиям — это всхолмленная равнина, изоборуженная длинными пологими балками, в которых располагаются села. Почвы очень плодородны, но область страдает недостатком влаги.

В Добрудже большинство населения составляют болгары. Кроме них здесь живут гагаузы, румыны, русские (липоване), турки, татары, цыгане и др. Само болгарское население неоднородно по своему происхождению. Наряду со старым местным населением, живущим здесь издавна, в Добрудже много переселенцев из различных районов страны, которые численно преобладают. Многие из них можно считать уже старожилками, так как переселение в Добруджу началось еще в XIX в. — до освобождения от турецкого ига; закончилось оно в нашем столетии.

Пестрота населения, сложные исторические судьбы Добруджи и пограничное ее положение наложили отпечаток на быт и культуру населения. Добруджа представляет собой своеобразную этнографическую область Болгарии, где разное по происхождению болгарское население с течением времени выработало в своем быту сходные характерные черты. Этнографическое изучение Добруджи вызывает большой интерес также и потому, что после 9 сентября 1944 г. здесь произошли серьезные изменения в быту, связанные с коренной перестройкой хозяйства на кооперативных началах, механизацией сельскохозяйственного производства и водоснабжения, широким применением электричества в экономике и в быту.

В 1954 г. в Добруджу была направлена комплексная экспедиция Болгарской Академии наук — одна из тех ежегодных экспедиций, которые, начиная с 1953 г., предпринимает Отделение изобразительных искусств и культуры БАН, проводя реконструкционные исследования в различных областях страны. В составе экспедиции находятся архитекторы, этнографы, искусствоведы и другие специалисты.

Первая из рецензируемых статей Хр. Вакарельского представляет собой краткий отчет о результатах работы автора в экспедиции¹. Вакарельский кратко описывает основные особенности материальной культуры Добруджи, сложившиеся к 1941 г. — времени его первого исследования этой темы, попутно отмечая те изменения, которые произошли к 1954 году.

Известно, что Добруджа была областью Болгарии, где капиталистические отношения в сельском хозяйстве развились в наибольшей степени. Развитие капитализма сопровождалось техническим прогрессом. Те краткие сведения, которые имеются в статье Вакарельского, показывают, что в Добрудже при капитализме в сельскохозяйственной технике произошли гораздо большие изменения, чем в других областях страны. Так, например, деревянное рало, которым во многих местах Болгарии крестьяне пользовались вплоть до последнего времени и которое по сей день бытует еще в некоторых единоличных хозяйствах в качестве основного пахотного орудия, в Добрудже было оставлено еще в конце XIX века (см. стр. 30—32). Деревянный плуг бывал несколько дольше, но и он в начале XX века уступил место железным плугам фабричного производства.

Однако другие стороны материальной культуры, не связанные непосредственно с товарным зерновым хозяйством, сильно отставали в своем развитии. Сохранились, например, примитивные колодцы, схожие с теми, которые, по словам автора, существовали еще во времена позднего болгарского средневековья (т. е. до турецкого завоева-

¹ Хр. Вакарелски, Битовата веществена култура в Добруджа и промените в нея през последните десетилетия, Сб. «Комплексна научна Добруджанска експедиция през 1954 година. Доклади и материали», София, 1956.

ния). С глубины 80—90 метров поднимали воду большими ведрами из буйволово́й кожи с помощью громадного ворота, приводимого в движение животными или людьми. Одежда изготовлялась из домотканых материалов. Во второстепенных отраслях хозяйства — таких, как рыболовство, пчеловодство — сохранялась примитивная техника.

Тем разительнее перемены, происшедшие за годы народно-демократической власти. Они коснулись не только главных, но и второстепенных отраслей хозяйства, а также многих сторон быта. Автор указывает, что в поле теперь господствуют тракторы и комбайны, а о большей части сельскохозяйственных орудий, употреблявшихся 13 лет назад, можно собрать сведения только по воспоминаниям (стр. 33). Первобытные постройки для скота и переработки молока заменены фермами с современным оснащением, старинные колодцы и примитивные «доланы» для орошения огородов уступили место насосным установкам, в селах появляется водопровод (стр. 26, 38) и т. п.

Большое внимание Вакарельский уделяет изучению архаических форм материальной культуры. Интересно, что они гораздо лучше сохранились у местных старожилов-кочевых групп, которые живут главным образом по Дунаю в Тутраканской и Силистренской околиях. Выяснение причин консерватизма быта старожилов представляет большой этнографический интерес. Кроме того, как справедливо отмечает автор, старинные формы материальной культуры могут служить ценным источником для изучения этнической истории болгарского народа.

Нужно сказать, что сведения о материальной культуре, приводимые в рецензируемой статье, чрезвычайно лаконичны, что, вероятно, обусловлено объемом ее. Автор часто ссылается на свою большую работу о материальной культуре Добруджи, пока еще не известную читателям. Поэтому некоторые определения, встречающиеся в статье, остаются лишенными конкретного содержания. Так, например, желательно, чтобы автор вкратце разъяснил, какими именно «культурно-бытовыми определениями», как он выражается, могут служить некоторые предметы домашней утвари (стр. 40), или конкретизировал интересный вывод о том, что в устройстве и терминологии инструментов для обработки шерсти и для тканей до сих пор еще сохраняются различия между группами населения, связанные с разным происхождением этих групп (стр. 43—44).

Для советских этнографов сведения о материальной культуре Добруджи особенно ценны потому, что здесь обнаруживается большое сходство с бытом болгар, живущих в СССР. Так, например, стоячая прялка, характерная для добруджанских болгар, встречается у болгар и гагаузов Южной Бессарабии. Много похожего также в планировке, строительной технике и внутреннем убранстве жилища, в терминологии различных предметов.

* * *

Темой другой своей работы Христо Вакарельский избрал традиционный быт и культуру в Панагюришской околии. Работа опубликована в сборнике «Панагюриште и Панагюришката околия в прошлом»². Кроме этнографической статьи Вакарельского в сборнике помещены работы, посвященные географии, истории и культурной жизни Панагюришской околии в прошлом, архитектуре ее поселений, развитию социалистического и коммунистического движения в районе, видным общественным деятелям и т. п.

Издание сборников краеведческого характера весьма распространено в Болгарии. Инициаторами изучения и популяризации истории и культуры родного края бывают обыкновенно представители местной интеллигенции, общественные деятели, которые привлекают к участию в этой работе и различных специалистов (часто уроженцев данного края), живущих в других городах Болгарии. Создаются «комитеты», деятельность которых часто не ограничивается только подготовкой издания краеведческих сборников. Комитет в г. Панагюриште, например, разработал программу дальнейших исторических, этнографических и лингвистических исследований района, для реализации которой предполагается привлечение ряда видных специалистов, он проводит большую библиографическую работу³.

Город Панагюриште расположен на склонах Средна-горы, в центральной Болгарии. В прошлом город и окрестные селения играли большую роль в экономической и политической жизни страны. Здесь еще в период турецкого господства возникло крупное товарное скотоводство, постепенно приобретавшее черты капиталистического хозяйства. Панагюриште был центром знаменитого Апрельского восстания 1876 г. Понятно, что этот город дорог сердцу каждого болгарского патриота, и уже давно он привлекал внимание писателей, историков, этнографов. Как справедливо указывается в рецензируемой работе, материальная культура этого района изучалась, однако, мало, что объясняется общим направлением буржуазной болгарской этнографии, которая основное внимание уделяла явлениям духовной культуры. Работа Вакарельского в известной мере восполняет этот пробел.

Работа написана на основе полевых материалов автора, собранных в течение ряда лет до и после 9 сентября 1944 года. Хронологически она охватывает главным образом период с конца XIX века до 1944 г., но иногда автор говорит и о более раннем времени, черпая сведения в литературе и произведениях фольклора.

² Хр. Вакарелски. Принос към традиционния бит и традиционната култура на Панагюрско. Сборник «Панагюриште и Панагюрско в миналото», София, 1956.

³ См. сб. «Панагюриште и Панагюрско в миналото», стр. 3—4.

Объектом своего исследования Хр. Вакарельский избрал семь сел, наиболее тесно связанных с городом Панагюриште в административном, экономическом и культурном отношении. Связи эти установились еще до освобождения от турецкого ига и продолжались в позднейшее время. Сохранились ли они поныне, в статье прямо не говорится. Избранные автором семь сел населены местными старожилами, культура и быт которых характерны для всего района Средногогорья.

Основными отраслями хозяйства в панагюришских селах были земледелие и скотоводство, причем земледелие стало играть главную роль только после освобождения от турецкого ига. В статье приводятся подробные сведения о сельскохозяйственной технике, о способах обработки земли, уборки урожая и т. п. Автор отмечает, что в прошлом технические усовершенствования в сельском хозяйстве были достоянием состоятельных слоев крестьянства. Основная масса крестьян пользовалась стародедовскими орудиями труда вплоть до недавнего времени. Это характерно для очень многих областей Болгарии.

Интересы автора выходят за рамки основной темы его исследований — материальной культуры. Он останавливает, в частности, свое внимание на формах крупного скотоводческого хозяйства и внутренней организации скотоводческих объединений, существовавших до освобождения от турецкого ига и позднее, в буржуазной Болгарии. Это один из наименее изученных вопросов болгарской истории и этнографии, имеющий большое значение для воссоздания картины социальных и экономических отношений в деревне. По мнению Хр. Вакарельского, в настоящее время наука не располагает такими источниками, на основании которых можно было бы с нужной полнотой и достоверностью изучить организацию скотоводческих объединений, созданных болгарскими в эпоху позднего турецкого феодализма. Некоторые данные, однако, можно извлечь из произведений устного народного творчества (стр. 93). В работе приводятся две песни, из содержания которых автор делает интересные выводы. Отметим, в частности, вывод о наличии эксплуатации бедных скотоводов богатыми, стоявшими во главе скотоводческих артелей, о появлении наемных работников в таких объединениях (стр. 96). Напомним, что в буржуазной литературе взаимоотношения овцеводов, ведущих совместное хозяйство, часто идеализировались.

Едва ли можно согласиться со спектическим отношением автора к изучению форм скотоводства в XIX веке. Имеется еще очень много необработанных архивных материалов и неиспользованных сведений различных литературных источников, которые помогут разрешению этого вопроса, как и многих других историко-этнографических и экономических проблем прошлого Болгарии. Именно на основе свежего архивного материала болгарскими историками в последнее время успешно разрабатываются такие ранее малоизученные темы, как аграрные отношения в Болгарии в XIX веке, цеховые организации в тот же период⁴ и пр.

Каждая новая публикация о болгарском жилище вызывает понятный интерес, так как тема эта сравнительно мало изучена, а дома в различных районах Болгарии очень разнообразны. Даже в семи селах, исследованных Вакарельским, дома имеют некоторые различия, хотя в общих чертах они весьма сходны. В работе дается описание конструкции, планировки и внешнего оформления жилища; при этом автор стремится выделить типичные дома для каждого села (например, стр. 136, 140, 141, 143). Описываются и более старые дома; некоторые из них дают представление о жилище болгар до освобождения от турецкого ига. К сожалению, не всюду указано время постройки дома. Там, где об этом нет прямых сведений, хотелось бы знать хотя бы примерную датировку. К какому, например, времени относится «самый старый дом в с. Баня» (стр. 132)? Интересно, с нашей точки зрения, найти в работе не только тщательно сделанные планы домов и подробные данные об их конструкции, но и сведения о назначении помещений, размещении в доме членов семьи.

В соответствии с тематикой всего сборника автор ограничил свое исследование определенными хронологическими рамками, обратившись лишь к изучению прошлого. Однако при чтении статьи невольно возникает вопрос: является ли описанный быт и ныне типичным для Панагюришской околии или он уже стал пережитком?

Во вводной части Вакарельский подчеркивает, что его работа не дает исчерпывающих сведений по теме и что он стремится лишь наметить путь дальнейших этнографических исследований данного района. Но несмотря на известную неполноту, рецензируемая статья является, по нашему мнению, ценным вкладом в этнографическое изучение прошлого Болгарии.

Коротко остановимся еще на одной статье Хр. Вакарельского, написанной им совместно с Анастасом Примовским⁵. Авторы дают описание массового выступления

⁴ См., например, Стр. Димитров, Аграрные отношения в България през 50—70 години на XIX век. София, 1956 (рукопись, Архив Ин-та болгарской истории Болгарской академии наук); его же, Към въпроса за отменяването на спашийската система в нашите земи, «Исторически преглед», 1956, № 6; Н. Д. Тодоров, Зарождение капиталистических отношений в текстильном производстве Болгарии в первой половине XIX века, М., 1957 (рукопись, Архив Ин-та славяноведения АН СССР).

⁵ Хр. Вакарелски и Ан. Примовски, Музикално-фолклорни прояви на Пловдивското изложение през 1892 г., «Известия на института за музика», кн. II и III, София, 1956.

народных певцов и музыкантов на Пловдивской выставке 1892 года. Эта выставка была организована для демонстрации хозяйственных достижений молодого болгарского государства после освобождения от турецкого ига. По инициативе крупного болгарского этнографа профессора Ивана Шишманова, а также некоторых местных деятелей, было решено создать на выставку лучших музыкантов-исполнителей из разных районов страны и записать народные песни и мелодии. Запись песен проводилась под руководством известного этнографа-любителя Христо поп-Константинова. Хр. Константинов собрал и краткие сведения о прибывших в Пловдив народных музыкантах и певцах (многие из певцов являлись и сочинителями песен). Тогда же была создана ценная коллекция народных музыкальных инструментов, позднее переданная в Софийский этнографический музей.

Хр. Вакарельский и Ан. Примовский изучили и систематизировали материал, имеющийся в архиве Хр. Константинова, а также в прессе и письмах того времени. Кроме того, они собрали ряд новых данных, полученных из анкет, которые были разосланы на родину певцов и музыкантов, выступавших на выставке. В анкетах было обращено внимание на занятия, социальное положение музыканта и окружающую его среду (главным образом семью).

В статье приводятся фотоснимки музыкальных инструментов, хранящихся сейчас в Софийском музее, и краткие инвентарные описи. Этот материал интересен для типологической классификации музыкальных инструментов на территории Болгарии.

В работе не дается анализа самого музыкального и песенного творчества в конце XIX века — это тема, конечно, специальная. Авторы обращают внимание на другие стороны музыкального фольклора. Они констатируют большую музыкальность простого народа и подчеркивают, что музыка и песни занимали важное место в быту болгарских крестьян. Эта мысль не нова, но, подкрепленная конкретными примерами, она становится более весомой. Достаточно сказать, что из 120 человек, прибывших на выставку, только два были профессиональными музыкантами. Остальные достигли большого музыкального совершенства, оставаясь земледельцами, пастухами или ремесленниками.

В статье указывается, что материалы выставки почти ничего не говорят о роли женщины в создании музыкально-песенного фольклора, а она всегда была велика. В дальнейшем, при изучении деятельности отдельных народных исполнителей, этот пробел предполагается восполнить (стр. 308).

Авторы попытались найти связь между хозяйственной деятельностью людей и их музыкальным творчеством (стр. 309). Они установили, что смычковый инструмент гудулка широко распространен среди земледельцев и не употребляется пастухами; последние же пользуются преимущественно духовыми инструментами (кавал, гайда). Авторы не берутся объяснить это обстоятельство, сознавая, что для этого нужно исследовать целый «ряд условий и культурно-исторических, и географических, и технико-музыкальных» (стр. 310). Действительно, этот вопрос очень сложен и к тому же едва ли его исследование может быть плодотворным. Изучение ритма, самого содержания песен, по-видимому, скорее может подвести к их связи с трудовой деятельностью людей. Но уже сама постановка вопроса о специфике музыкально-песенного фольклора в связи с особенностями трудовой деятельности представляется весьма интересной.

Л. В. Маркова

Марица Антонова Попстефаниева, *Македонски народни вязови*. Фолклорен институт на Нр. Македонија оддел за народное текстилно творештво. Скопје, 1954.

Альбом македонской вышивки, собранной М. А. Попстефаниевой, содержит 36 табл., заключающих 113 цветных изображений, очень тщательно датированных. В описи указывается название орнамента, техника шитья и район бытования.

В начале книги помещен текст на македонском и французском языках. Он состоит из двух разделов: 1) общее введение в историю македонской народной вышивки; 2) техника вышивки.

В первом разделе М. А. Попстефаниева, как и авторы альбома болгарских вышивок Ст. Л. Костов и д-р Е. Петева¹, основывается на исследовании Н. П. Кондакова² и принимает его точку зрения, что в народной вышивке хранятся традиции византийского искусства тканей, проявившегося впервые в коптских орнаментированных туниках. Народный вкус перерабатывал заимствованные мотивы, создавая стиль, отвечающий характеру народа. Можно констатировать, что этот стиль сохраняется в течение веков: вышивки последних столетий очень близки к вышивкам, описанным путешественниками

¹ Ст. Л. Костов и д-р Е. Петева, *Български народни шевици*, втора часть, юго-западна България и Македония, София, 1928.

² Н. П. Кондаков, *Македония. Археологическое путешествие*, СПб., 1909.